

УДК 94(47)

П.А.СТОЛЫПИН И ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ

© 2011 П.С. Кабытов

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 05.11.2011

В статье освещается начальный этап государственной деятельности П.А.Столыпина на посту Председателя Совета Министров Российской империи. Он предложил программу либеральных реформ, включавшую меры по умиротворению России. Анализируются взгляды современников и историков на характер взаимоотношений П.А. Столыпина и власти.

Ключевые слова: власть, реформы, П.А. Столыпин, третьейюньюнская монархия.

Назначение П.А. Столыпина на должность Председателя Совета Министров вместо Горемыкина было большой неожиданностью для политической элиты страны. Оппозиционные партии рассматривали этот акт как прелюдию к полной отмене Манифеста 1905 года, в то время как консерваторы, раздраженные отставкой Горемыкина, которого они считали жертвой, враждебно относились к назначению человека, связанного, по их мнению, с либеральным движением.

Поначалу П.А. Столыпин хотел внести изменения в состав Совета Министров. Он полагал, что можно привлечь в него видных представителей перводумского большинства. В согласии с планом, изложенным ранее в докладной записке императору, он попытался создать коалиционный кабинет, в котором могли бы быть представлены главные партии. Безусловно, на министерские посты не могли быть назначены представители тех групп, которые выступали с революционных позиций. А.П. Извольский отмечал, что, несмотря на позицию, занятую кадетами, Столыпин не оставил мысли пригласить в состав кабинета П.Н. Милюкова, который не был пойман в «выборгской ловушке»¹.

В.И. Гурко писал, что П.А.Столыпин в прямые отношения с лидерами кадетов не входил, но был в курсе шагов, предпринимаемых Извольским. На следующий день после назначения Столыпин начал приводить в исполнение свой проект.

Американский историк Дейвид Мейси пишет о том, что в последние дни существования I Думы и даже после ее роспуска Столыпин возродил и продолжил переговоры с представителями политических партий для формирования коалиционного кабинета, что, по его мнению, свидетельствовало о стремлении власти пойти на компромисс с обществом². Он участвовал в переговорах с представителями партий кадетов и

миробновленцев (гр. Гейденом и Н.Н. Львовым, Кони, М.А. Стаховичем, кн. Е. Трубецким, проф. Виноградовым), предназначенными для замещения различных министерских постов. Однако попытка П.А. Столыпина, взгляды которого в тот момент разделяли В.Н. Коковцов и А.П. Извольский, создать коалиционный кабинет не имела успеха. После двухнедельных переговоров и вопреки усилиям Столыпина различные лица, к которым он обращался с предложением вступить в министерство, один за другим или отклоняли это предложение, или выдвигали такие условия, которые не могли быть приняты.

Эти контакты с «общественностью» вызвали глубокое разочарование у Столыпина. Он с горечью говорил В.Н. Коковцову, что все его попытки привлечь в состав правительства общественных деятелей разбились об их упорный отказ, так как одно дело критиковать правительство и быть в безответственной оппозиции ему... «Им нужна власть, – говорил Столыпин, – для власти и еще больше нужны аплодисменты единомышленников, а пойти с кем-нибудь вместе для общей работы – это совсем другое дело»³. Раздражение у Столыпина вызвало и то, что лидеры партии кадетов не считали возможным включить Столыпина в состав предполагаемого правительства. Как всегда возобладали узкопартийные интересы и эгоизм, а не стремление вывести Россию из кризиса.

Лидеры кадетской партии переоценивали свое влияние в обществе и полагали, что должен быть создан чисто кадетский кабинет. Их уверенность в том, что «власть не сегодня-завтра, несомненно, будет в их руках», поддерживала позиция дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, который также вел переговоры с членами кадетской партии. Они не учитывали, что создание такого кабинета неизбежно привело бы к конфликту между верховной властью и новым правительством. Д.Ф. Трепов в этом случае мог установить военную диктатуру. К тому же рос-

*Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории.
E-mail: kabpetr@ssu.samara.ru*

пуск Думы вызвал во всех либеральных кругах большое чувство раздражения. Поэтому все приглашаемые лица боялись потерять свой престиж и свое влияние в стране в случае, если бы они вошли теперь же в правительство.

Во время второго этапа (июль 1906 г. - 3 июня 1907 г.) Столыпин пытается установить диалог со II Государственной думой, в которой, в отличие от И.Л. Горемыкина, он видел прежде всего партнера верховной власти. Об этом также писал американский историк Р. Пайпс: «Возможно Столыпин был единственным премьер-министром в конституционном десятилетии, который обращался к Думе как к партнеру в совместном усилии создать сильную, великую Россию...»⁴. Он формирует правительственную программу реформ, суть которой сводилась к ускорению модернизационных процессов в стране и эволюции в отдаленной перспективе политического строя от самодержавной монархии к конституционной. Столыпин инициирует издание Николаем II ряд важнейших указов, связанных с проведением новой аграрной политики. В этой связи последний российский реформатор реализует так называемое внедумское законодательство. Опираясь на 87-ю статью законов Российской империи, он проводит Указ 9 ноября 1906 г., который открыл путь к реформированию аграрного строя России.

В то же время Столыпин отчетливо понимал, что российское общество расколото противоречиями, добиться добровольного согласия между разными политическими силами и социальными слоями весьма сложно. В беседе со Львом Тихомировым он доверительно поделился своими наблюдениями о современном состоянии, в котором находилась Россия. «Нужно, – сказал он, – чтобы явился «капрал», вождь, поднял знамя властно, и на знамени должен быть национальный вывод пережитого». Безусловно, речь шла о национальной идее, которая должна была выступить в качестве равнодействующей линии. Л. Тихомиров вспоминал, что на его замечание о равнодействующей линии правительства Столыпин ответил: «Да, именно. И по этой линии пойдет большинство, скажет и, слава богу, наконец. А несогласные – одни увлекутся потоком, другие падут духом и подчинятся»⁵.

Столыпин решительно приступил к работе, чтобы наилучшим образом использовать время до открытия второй Думы. «Первые слова, сказанные им после своего назначения главой правительства, – вспоминал В.И. Гурко, – были: «Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать всю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований,

свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени»⁶.

Главная цель программы П.А. Столыпина заключалась в укреплении государственной власти, поднятии ее престижа и реформировании, модернизации различных областей национальной жизни. Программа включала в себя ряд законопроектов для представления их на рассмотрение Думы. А.П. Извольский отмечал, что Столыпин «считал весьма важным избежать повторения ошибки предшествовавшего кабинета – предоставить новой Думе увлекаться бесконечными дебатами и бессильными декларациями»⁷.

Главнейшим вопросом, требовавшим немедленного разрешения со стороны правительства, был аграрный вопрос. Ввиду необходимости принять быстрые решения Столыпин для его решения воспользовался статьей 87 Основных законов Российской империи, которая предоставляла правительству право разрешать вопросы во время перерывов в работе Думы и в случае исключительных обстоятельств при условии представления их на утверждение Думы через три месяца после начала работы законодательных учреждений. Возникает вопрос, насколько была самостоятельной программа П.А. Столыпина. «В области идей, – пишет С.Е. Крижановский, – Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть. Вся первоначальная законодательная программа, была получена им в готовом виде в наследство от прошлого. Не приди он к власти, то же самое сделал бы П.Н. Дурново, или иной, кто стал бы во главе»⁸. Конечно, реформистская платформа Столыпина органически вобрала в себя ряд программ, предложенных его предшественниками. Однако указ от 9 ноября 1906 года был актом личного мужества П.А. Столыпина. П.А. Столыпин полагал, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство». В письме Л.Н. Толстому он отмечал, что «искусственное оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному, и главное, к бедности»⁹.

Современники часто порицали Столыпина за широкое пользование статьей 87, скопированной со знаменитой 14 статьи австрийской конституции. Сам же Столыпин расценивал внедумское законодательство как действенный инструмент, с помощью которого можно было вопреки правой оппозиции провести необходимые законы.

Взрыв дачи на Аптекарском острове изменил психологический настрой Столыпина. На заседании Совета министров (25 августа 1906 г.) Столыпин выступил с речью, в которой указывал, что

действия террористов не должны оказывать влияния на направление его политики. Он отметил, что его программа остается неизменной: безжалостное подавление всяких беспорядков и всяких революционных или террористических актов; проведение вместе с новой Думой либеральных реформ; немедленное разрешение наиболее неотложных задач мероприятиями исполнительной власти, и прежде всего аграрного вопроса. Поняв, что конституционными способами с революцией и терроризмом справиться не удастся, Столыпин становится сторонником принятия твердых мер, хотя и не оставлял попыток изменить существующее положение дел. Именно в это время П.А. Столыпин подвергся беспрецедентной критике, которая раздавалась как слева, так и справа за установление военно-полевых судов.

В течение четырех месяцев Столыпин «мужественно выдерживал ожесточенный штурм, направленный Второй Государственной думой на правительственную власть»¹⁰. 6 марта 1907 г. Столыпин в правительственной декларации заявил о целом ряде законопроектов, подготовленных правительством для внесения в Думу. Он, по свидетельству современников, «приглашал Думу найти общий язык с правительством и пригрозил приостановкой судебной несменяемости в случае попустительства судов по отношению к политическим преступлениям»¹¹. Тогда же в ответ на критику Церетели прозвучала известная фраза: «Но если нападки рассчитаны вызвать у правительства паралич воли и сведены к «руки вверх!» – правительство с полным спокойствием и сознанием правоты может ответить: «Не запугаете!»¹². «На жестокую и полную ненависти к правительству критику деятельности кабинета Столыпина со стороны ораторов слева, – вспоминал А.Ф. Головин, председатель второй Государственной Думы, – Столыпин ответил сильно, но вполне корректно и тем самым много выиграл даже в глазах своих недругов»¹³.

П.А. Столыпин полагал, что члены Государственной думы «явятся действительными представителями населения и будут думать о благе населения, а не о том, чтобы, пользуясь трибуной Государственной Думы, все время вести неустанную борьбу с правительством»¹⁴. На заседаниях Думы он отстаивал свою программу, «не останавливаясь перед самыми решительными действиями для достижения победы»¹⁵.

Выступления П.А. Столыпина с трибуны Государственной думы носили образный, яркий характер. Н.П. Шубинский отмечал, что на трибуне «воодушевление и подъем сразу приходили к нему», «он умел сразу овладеть аудиторией и приковать к себе ее внимание»¹⁶. В.В. Розанов впоследствии писал: «Когда я его слышал в Думе

ложилось впечатление: «Это говорит свой среди своих, а не инородное Думе лицо»¹⁷.

Столыпин убедился в том, что и в I-й и во II-й Государственной думе превалируют радикальные митинговые настроения. «Языком совместной работы не может быть язык ненависти и злобы, я им пользоваться не буду... – тщетно убеждал II Государственную думу Столыпин. – ...Я заявляю, что скамьи правительства – это не скамьи подсудимых», «Мы хотим и от вас услышать слово умиротворения кровавому безумию»¹⁸. О росте недовольства Столыпина II Государственной думой свидетельствует его письмо к Николаю II от 14 марта 1907 г.: «В Государственной думе продолжается словоизвержение зажигательного характера, а о работе не слышно. По вопросу о военно-полевых судах нам удалось, однако, свести вопрос на нет». 9 апреля 1907 г. Столыпин сообщает Николаю II: «Дума «гниет на корню», и многие левые, видя это, желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство боялось этого и все расстроило»¹⁹.

Выступая в Думе 10 мая 1907 г., П.А. Столыпин отмечал, что нельзя видеть в принудительном отчуждении земли «волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед». Он вновь призвал депутатов к созидательной работе: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»²⁰. Однако Дума не оправдала надежд правительства, и прежде всего П.А. Столыпина, на созидательную деятельность депутатов по выводу страны из революционного кризиса. «Верьте, государь, – писал Николаю II 2 июня 1907 г. П.А. Столыпин, – что все министры, несмотря на различные оттенки мнений, проникнуты были твердым убеждением в необходимости роспуска, и колебаний никто не проявлял. Думе дан был срок, она законного требования не выполнила и по слову Вашему перестала существовать»²¹. Убедившись в этом, Столыпин подготовил Манифест 3 июля 1907 г. о роспуске II Государственной думы и Положенье о выборах в III Государственную думу, которое по существу представляло собой новый избирательный закон.

Известно, что идея создания новой избирательной системы возникла еще в мае 1906 г., когда И.Л. Горемыкин поручил С.Е. Крыжановскому разработать проект нового избирательного

закона²². За новую избирательную систему выступали не только император Николай II и его ближайшее окружение, но и видные деятели Совета объединенного дворянства. Этот вопрос обсуждался на заседании Совета объединенного дворянства 27 февраля 1907 г., которое приняло решение создать комиссию по разработке нового избирательного закона. О необходимости перехода к новому избирательному закону говорили и лидеры партии 17 октября. П.А. Столыпин полагал, что законодательная Дума должна сотрудничать с правительством, а не вести «своекорыстную борьбу за власть».

Проект нового избирательного закона обсуждался на заседании Совета Министров. Безусловно, Столыпин принял деятельное участие в редактировании этих законодательных актов, и потому он вполне может быть отнесен к числу их создателей. Причем П.А. Столыпин просил министров строго соблюдать конфиденциальность и не разглашать никаких сведений до публикации в прессе нового закона.

Известно, что советские, да и российские историки считают, что роспуск II Государственной думы и новый избирательный закон по сути дела есть не что иное, как государственный переворот. Американский историк Дейвид Мэйси также квалифицирует события 3 июня 1907 г. как переворот²³. Английский историк Джеффри Хоскинг, как и большинство его американских коллег, не квалифицирует Манифест 3 июня 1907 г. и новый избирательный закон как государственный переворот. По его мнению, пойдя на роспуск II Государственной думы, Столыпин сохранил ее статус, считая, что в ней «должны перевесить те социальные классы, которые готовы сотрудничать в реализации программы реформ»²⁴. Д. Хоскинг говорит и о цели реформ, которая, по его мнению, состояла в укреплении и расширении общественности в надежде заполнить брешь между режимом и народом.

Французский историк Марк Ферро также пишет о том, что новое Положение о выборах есть не что иное как «государственный переворот»²⁵. С ним солидарен Н. Верт, который характеризует ситуацию в стране накануне роспуска II Государственной думы и приходит к выводу о том, что попытка сочетать самодержавный режим с конституционной формой правления окончилась победой самодержавия. Он также квалифицирует Положение о выборах 3 июня 1907 г. как государственный переворот²⁶. Историк полагает, что с июня 1907 г. по сентябрь 1911 г. Столыпин проводил курс просвещенного консерватизма, который, по мнению Н. Верта, потерпел провал. В основу этого курса была положена авторитарная и консервативная политика

по обновлению страны. В этой связи следует также отметить работу немецкого историка Лева Хайнц Дитриха, который тоже считает, что новый закон о выборах должна была издавать только Дума. «Но это был государственный переворот, направленный в равной степени как против правых, так и против левых, поскольку Столыпин своей акцией расстроил далеко идущие планы, сводившиеся к отмене конституционных уступок от 17 октября 1905 г.». Далее он отмечает: «Программа, на которой сошлись царь и премьер-министр, никоим образом не означала выполнение программы дворянской реакции. Конституция практически не была отменена, а дворянство не могло навязать правительству свою аграрную программу, скорее правительству удалось, искусно влияя на Объединенное дворянство, заставить его просить о такой аграрной программе, которая в значительной степени отвечала бы желаниям правительства»²⁷.

При выяснении вопроса о том, как квалифицировать события 3 июня 1907 г. необходимо установить, нарушил ли Николай II Основные законы Российской империи, имел ли право император издавать эти законодательные акты. Но, во-первых, ни в обществе, ни в партийных кругах никто не осудил роспуск I Государственной думы. Прецедент был уже создан, а потому законодатель мог вполне апеллировать к уже имеющейся российской практике. Во-вторых, распуская Думу, император опирался на опыт Пруссии 1848 г., в которой также был распущен первый состав парламента. Накануне событий 3 июня 1907 г. в обществе явно обозначились настроения, которые сформулировал в своем дневнике Л. Тихомиров: «Не выйдем мы из беспорядков и революций до тех пор, пока не станет всенародно ясно и практически неоспоримо – где **Верховная власть**, где та сила, которая при разногласиях наших может сказать: «Roma locuta – causa finita» – потрудитесь все подчиниться, а если не подчинитесь – сотру с лица земли»²⁸.

Законодатель мотивировал роспуск Государственной думы тем, что ее состав не позволяет обычным законодательным путем провести новый избирательный закон, а потому «за царской властью остаются обязанность и право изыскать иной путь». Поэтому вполне можно считать, что государственный переворот в подлинном смысле этого слова 3 июня 1907 г. не было, а законодатель, приняв новый избирательный закон, создал условия для создания новой политической системы, при которой было установлено взаимодействие между верховной властью, российским парламентом и Советом Министров, что позволило перейти к реформированию страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С.134.
- ² *Macey David. A.* Government and Peasant in Russia (1861-1906). The Prehistory of the Stolypin reform. Northern Illinois univ., 1987. P.214.
- ³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. М., 1992. Кн.1. С.184.
- ⁴ *Pipes R.A.* Coneise History of the Russian Revolution. Coneise. London, 1995. P.53.
- ⁵ Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. М., 1935. Т.5. С.127.
- ⁶ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.582.
- ⁷ *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С.150.
- ⁸ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, б/г. С.214.
- ⁹ *Столытин П.А.* Переписка. М., 2004. С.135.
- ¹⁰ *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. №12. С.119.
- ¹¹ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881-1914. М., 1997. С.313.
- ¹² *Столытин П.А.* Програма реформ. Документы и материалы. В 2-х т. Т.1. М., 2003. С.42-43.
- ¹³ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной Думе // Исторический архив. 1959. №4. С.154.
- ¹⁴ *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956. С.132.
- ¹⁵ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной Думе // Исторический архив. 1959. №4. С.151.
- ¹⁶ *Шубинский И.П.* Памяти П.А. Столыпина. М., 1913. С.12.
- ¹⁷ *Розанов В.В.* Историческая роль Столыпина // Наш современник. 1991. №3. С.154.
- ¹⁸ *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. №12. С.115.
- ¹⁹ *Столытин П.А.* Переписка. М., 2004. С.25, 29.
- ²⁰ *Столытин П.А.* Програма реформ. Документы и материалы / П.А. Столыпин. В 2-х т. Т.1. М., 2003. С.44-45.
- ²¹ *Столытин П.А.* Переписка. М., 2004. С.36.
- ²² *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформы в России. М., 1991. С.25.
- ²³ *Мэйси Д.* Земельная реформа и политические перемены: Феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. №4. С.13.
- ²⁴ *Hosking G.* Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2000.
- ²⁵ *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С.149.
- ²⁶ *Верв Н.* История Советского государства. М., 1994. С.52.
- ²⁷ *Лево Ханц Дитрих.* Николай II. 1874-1917 // Русские цари: 1547-1917. Ростов-на-Дону-М., 1997. С.507.
- ²⁸ Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. М., 1935. Т.5. С.127.

P.A. STOLYPIN AND THE «3rd OF JUNE» MONARCHY

© 2011 P.S. Kabytov

Samara State University

The article is devoted to the initial stage of the state activity of P.A. Stolypin as a Chairman of the Council of Ministers of the Russian empire. The author concentrates on the program of liberal reforms including measures on a pacification of Russia which had been offered by Stolypin. The article represents an analysis of different appraisals and interpretations of the character of mutual relations between P.A. Stolypin and the supreme power.

Keywords: power, reforms, P.A. Stolypin, the political regime of the «3rd of June».